

ШАРАДЫ САЛОННОГО БЕЗУМЦА

Моск. новости 2004 - 5 февр. - с. 26

А.Зверев. Женский портрет

вернисаж

Галерея «Дом Нащокина», где разместилась экспозиция, место отчасти светское. Здесь устраивают выставки, рассчитанные на, так сказать, широкий общественный инте-

рес. Собирается чистая публика и любуется всяческой красотой, будь то фотографии балетных этюдов или ювелирные изделия популярных современных дизайнеров. Выставки, как правило, подготовлены очень квалифицированно, и пиар организо-

ван чрезвычайно продуманно. Вообще после скандального закрытия Московского центра искусств на Неглинке «Дом Нащокина» остался единственным неофициальным пристанищем музейного искусства.

Все эти обстоятельства очень располагают к общению с творениями Анатолия Зверева. Эстетика, которую культивировал художник, как раз и характеризуется умеренной салонностью, легкой куртуазностью и крепкой выделкой. Смешно было бы рассчитывать на то, что показанные на выставке 100 работ из частных собраний и фондов Третьяковской галереи что-нибудь изменят в наших представлениях о Звереве. Тем более что, насколько можно судить по многочисленным свидетельствам современников и главным образом собутыльников живописца, никогда не менялись его собственные представления о себе и изобразительном искусстве. Можно только в очередной раз восхититься разительным несоответствием художественного мифа художественной практике Анатолия Зверева.

Нескончаемый поведенческий бунт (мемуары пестрят картинами хмельного безумства и удалого молодечества) гармонично сочетался в этом человеке с крайней умеренностью во всем, что касалось собственно творчества. Рассказы о его способностях наносить изображение на холст венником, обмакнутым в банку с вареньем, вызывают как умиление, так и недоумение. Поскольку результат практически неотличим от того, что добывается благообразный член МОСХА с помощью кисти и акварельной краски. Спрашивается, зачем же вся эта экзотика?

«Можно только восхититься разительным несоответствием художественного мифа художественной практике героя андерграунда».

Вероятно, она важна не столько для зрителя, сколько для самого художника, из нее он черпал свое буйное вдохновение.

При этом, в отличие от многих изблюбленных героев советского андерграунда, Зверев обладал недожинным профессионализмом. У него практически нет проходных или вызывающе некачественных работ. Нельзя не отметить повторяемости, тиражирования приема, но ведь это тоже обратная сторона профессионализма. И в большой мере залог его непреходящего успеха у любителей художеств, которые с большим удовольствием потребляют продукт, оснащенный сертификатом качества. В этом смысле концепция «Зверев — русский Ван Гог» (название выставки воспроизводит популярный критический штамп), конечно же, не выдерживает никакой критики.

Зверев никакой не Ван Гог, он, если уж пришла охота подбирать аналогии, новый Артур Фонвизин, мастер создавать вещицы, приятные для взора и необременительные для процесса восприятия искусства.

Вместе с тем, когда лет пятнадцать назад, вскоре после смерти Анатолия Зверева, из него пытались сделать подобие Глазунова или Шишова, то есть, как говорил Пастернак, старательно «навязывали его эпохе», выяснилось, что все свойства его художественной натуры этому сильно сопротивляются. Так что можно смело утверждать, что испытание славы этот художник прошел успешно.

Юрий АРПИШКИН